



Г. Неменов

Портрет Л. Богданова работы Г. Неменовой. Литография. 1960-е.
Из собрания К. Козырева.

А. Драгомощенко
Блеск

Минуло лето в сухом саду, с его цветением денег. Осеннее пальто заслоняет большую часть сухого сада. Нам просто не видно, что там еще высохло или увяло, или опало. Что все лето и весну падало, то сейчас опадает. Все чаще плесневеет чай, оставляемый на два-три дня. Осыпается побелка, даже кусками отваливается штукатурка. На полу грязь — осенняя, подразумевается. Вечная, сказать проще. И сейчас светит солнце — последнее, сентябрьское, что же изменилось по сравнению с весной? Весной его брызги долетали и сюда. Сейчас только тепло доходит до меня.

Леон Богданов

Я видел Л. Богданова один-единственный раз. Не спорю, кто-то может утверждать, что это был ноябрь. В самом деле, был месяц, не исключавший возможности иного года, — это было так, как действительно трудно вспомнить. Тень на лице. Летательные аппараты, канаты, акробаты, публика, тающая от сознания собственной причастности к тому, что никогда не существовало (о чем впоследствии будет скрупулезно

повествовать в возможных изданиях, доказывая обратное).

Да, говорю я, никто про Леона Богданова не напишет. Никто этого не сделает даже потому, что не успеет понять, как «уложить» себя в гипсовую марлю приближения к черте, пред которой он не хотел *вообще* существовать, так как был дан условием в имени.

Для собственного спасения: он *прибывал* в исчезновении. За это меня прибьют камнями. Скажут: он всегда хотел быть, — и не доказательством ли то, что терялся на горизонте *письма*, под стать кролику в шляпе факира?

Он исчез задолго до факира и шляпы в сухом японском саду на подоконнике. Главным и наиболее грозным растением того сада был ветер в балконной двери.

Далее — «Козырев» (plural), — также и астроном. По-иному понимавший «время»: про-вращение, волчок, лунные *landscapes*. Лед — тоже форма волны. Тогда мы с Зиной играли в теннис с Сашей Козыревым, а он, также «занимаясь временем», как и *все* Козыревы, — то есть плазмой, — после всего, когда льет пот, случалось, говорил...

Мне все равно, кто и что говорил. Главное — успеть. Did I? Я думаю о другом, о том, как время определено в «системе» отнюдь не европейской, — с усердным постоянством создающей нескончаемые тетради в клетку, книги про то, как надо понимать что было, вольеры для уродов и бороды для ученых. И даже не о том, что лежит фигурой сыра на дне фьордов. А что, собственно, было? Ничего. «Где же искать грань между ценным и ничтожным, большим и малым — вне вещей или внутри их?» — спросил Хэбо. Я намерен сказать о времени Леона Богданова, который никогда, в силу простого величия, об этом не обмолвился. Докажи обратное.

Leon Bogdanov возник тогда, когда я меньше всего думал, что он вообще существует. Что означает: сегодня в Скандинавии, в стране, прыгнувшей из бездонных цветных карт и где «висельник» и «мама» совпадают в квадрате трансатлантической прорехи, я к нему возвращаюсь.

Это — как идти против ветра. Где он возникает наподобие неправильно сшитой орфографии французской словесности (и вот тут-то я попрошу не спешить), и что отнюдь не есть скрытое заимствование из Берроуза о Боулзе, но относится к баснословной поре, когда все, кроме нас, думали, что писать означает если не открывать тайну, то, в худшем случае, говорить о том, что она неизбежна. Чему, вероятно, оставалась привычка к тому, что есть «враг», «другой» или книга в клетку, или история, или есть — «Бог».

Привычек, писал Богданов, нет. Бог не привычка. Это потому как это — есть «это». Он писал: *«сейчас только тепло доходит до меня»*. Его восхитительно-медленная ярость (лед волны) заключалась в том, чтобы не сказать, но дать сказать — «rose is rose». Но и это неправильно. Никакой не Розанов. Куда тому, в чугунных валенках по горло, — и не снилось. Вот почему сотню лет назад я едва ли не окошел от стихотворения Лены Фанайловой про зиму в автобусе, — все же как научиться не распускать нити, слюни, руки... воображение? Никакой не Беккет, Музиль, никакой не Кэнко Хоси, etc. Никакой. Вот что главное. Карту он смотрел на просвет, на воск, на крыло — поэтому и замок, и деревня, и сторожа, включая «врата», лишь пункты перемещения зрачка. Поэтому критику он не нужен.

Я же здесь чистой функцией; типа путником на северном краю олеографии. Без пальмы, лермонтова и выгоды, но с сигаретой. Идущий отовсюду. Идущий, как в учебнике арифметики идет наука воды и ржав-

чины. Почти теперь. Что означает также: не-существование станции. Прочти Леона Богданова и напиши предисловие.

Или, лучше, напишите, как писал Богданов. Что смехотворно просто. Слова и некоторая очередность, ну... возможно, чуть терпения. Я же пытаюсь всего лишь сделать так, как то делал Л.Б.

Чтобы увидеть свет в определенном прикосновении зрения, нужно отвращать его к противоположному по оси месту. Тут никакого терпения не достанет. Чтобы стало понятней, прибегнем к примеру из ни к чему не обязывающей словесности. Назовем имена Пушкина. Некоторые с другой буквы. Некоторые известны народу. И без сожаления в отсутствие их/его.

Почти весь Клее — бесшумное путешествие к «янтрам». К обратной точке зрения. Лезвие — не что иное, как процесс сведения к ничто некоего материального тела, или, как говорят друзья, — «hile». Но восхождение оказывается последним актом кукольного театра. Дальше пробегает обыкновенное лезвие, средоточие которого — блеск, *«из которого были созданы все творческие выражения путем расширения точки таинственной яркости»*.

Стало быть, совершенство есть не то, что оседает в памяти или же ее создает, но то, что лишает память ее же самой, то есть свершения, то есть «истории».

Я не знаю, когда Леон Богданов родился, когда умер и кто теперь собирает его сады. Говоря по-иному, однажды он дал возможность взглянуть *на* — не как на пейзаж, исчезающий в заднем стекле машины, тем, кого не устраивало подобное строение картины.

Главным и наиболее грозным растением в его сухом саду, повторяю, был ветер, пойманный балконной дверью. Леон Богданов и был таким непрерывным процессом *постоянного* создания лезвия, рассекающего любые «истории». Знает ли тот, кто вдыхает, что вы-

дох достается другому? Потому надлежит набрать дыхания и не спешить с головокружением. Хайдеггер отдыхает. Лезвия, пересекающего себя. Несколько цитат из Богданова. Они не оставляют возможности «третьего», которое якобы дано. Они свидетельствуют о том, что дано — одно. Он сам и есть *perilgates* его же «земли» (соединяющей в необязательной этимологии «емлить» и «за»), иными словами, края отречения от «присвоенности», в том числе и «себя». Но не земли. Но не неба. Но не меня. Ничего не дано. Литературная истина, собственно, и занимается бесконечным отделением одного от другого. Надо полагать, ради спасения *отделяющих*, а возможно, по причине чего-то другого. Типа дайте рецепт от смерти. А кто спорит?

Боль тоже тень того, другого; как и фамильный альбом, и затертая порнолента, как в телевидении про слова, не знаю... — пиво есть, ноги несут к лестнице за окном. В дверь стучат. Говорят, есть будущее, затем прошлое, — значит, говорят, есть и «настоящее». Кто может выдержать подобную тавтологию? Последнее падает лакомым куском к философскому зубу. Но на каждый зуб есть свой дантист, и он поет песнь про — *«иди не в корень, иди по каналу»*.

Канал и есть пресловутое: «plural». Множества, от которых рукой подать до Клее. Украденного у Бенъямина «ангела» и вантовых систем. Руин. Дантисты создали web, но не землетрясения. Не для меня и не для Богданова. Круги сужаются, как после нежных тектонических смещений. Богданов возникает на фоне кантовского шансона об абсолютном пространстве. Но и это не интересно на склоне дня в стране, где пустынной улицей идут все те же дети. Кто остался — вопрос из другого ряда. И как на это еще посмотреть.

Заметки о чаепитии и землетрясениях



Часть 1

<1980>

как пишут на шелку, в орнаментальном стиле, со всей равнины камышей, из таких потоков, где по камням течет мелкая, но черная вода красивыми петлями, которые мы видим сверху, собирается эта река (а не из Луги и таких протоков, да и не важно ее название). От моря сюда, до почти неуловимого порога по ней, это я видел, прилетают два белых морских орлана, держась друг за другом. Ничего не слышно, поезд встал, и ветер видим. Птицы возвращаются чистые, Балтийское солнце оставляя с правого бока. Не помню где это, год 52-ой.

...«Чудесным образом», скорее дом изменится внутренне и внутри, чем что-то повторится в окружающей природе целое; напоминание существует ради сравнения в уме изменений — к лучшему. А понимание доходит только до приятного, т.е. оно протекает в

окружении никакого и неприятного, как «Футбол 189... года».

«Кто старое помянет...», что же в этом приятного? То, что только так испытывается полезность фикции времени. А пословица, со своей фиктивной абсурдностью? Основывается на необходимости поддержать коллективное суеверие. А поддержанное такой формой самосознания общество противостоит наркоманической и кшатрийской дваждырожденности, дословности.

«Пагсам-Чонсан»

Опавшие листья у хижины,
где коротаю досуг.

Возле самых ворот,
где нога человека, похоже,
не ступала с утра,
на опавшей листве павлоний
росной влаги прозрачный отблеск.

разве все люди так согласны жить? в коммунальных квартирах, в одной комнате? «Хорошо сейчас там, где нас нет», как то, что всегда где-то в космосе льется пиво. Вся мысль в этом. Рядом с условным резонерством пословиц безусловно-абсурдное... Как нет не пустого в сущности от значения вне речевого контекста... тут мы уже за диалогом, как за околицей, с фантомами загадок.

каждый красный дом музейный экспонат, осколок другой исторической эпохи, ново-голландской...

небо желто-зеленое к буре в Прибалтике. небо зелено на восходе от брызг морской воды. ходячее это мнение или правда? Не должны ли мы считать



Г.М. Неменова. Портрет Л. Богданова

все пословицы порожденными художественным вымыслом?

подмости.

но и: где это там потом все тогда и беру? Я освободился и не нахожу места... Всего надо разом, вместе с тем все есть и ничего не надо. Стихотворение на предыдущей странице — пьеса, либретто, идея. Довмонтов город на Петроградской.

Чтобы дух был ровен в день. Лиши смысла пословицу — анти-Даль — тренировка в разыллюживании. «Не все коту масленица...» — анти-Мелвилл пломбирный Пипл Темпл

что называть, смотря ясным взглядом. При ярком свете это все (связанное с умиранием) становится видно, и вот почему, когда этого нет, свет неяркий. Так же как близкие, непереносимыми становятся пословицы, когда понимаешь, что тех и тех роднит одно абсурдное, невыразимое в мире слов и условного значения. И как неяркий свет не дает предвидеть, так же условными значениями ослеплено сознание лиц. Что же должно успокаивать? Что дети в субботу еще только ходят в школу? И им больше достается света совести.

В азербайджанский чай переплетен Рёан с Рёканом, с оранжевым солнцем, а мы пьем чай из Ленкорани, вот что-то такое для противовеса. Не спеши и ты успеешь.

— Где мне напечатать твое стихотворение, здесь же?

Если небо утром зеленое, обязательно будут известия о буре на Балтике. Просто желтое, чтобы не дремал.

Так вот холодно и как бы не существует ничего и этого-то, что с трудом удавалось вспомнить. Так холодно и бывает только в феврале—марте.

Крепкое розовое. И вот сплошь да разом выходит, что сильного света нет и достаточно крепкого чая нет. Все окутано патиной здравого смысла, и только из-за того и становится выносимо кичливое и пошлое на земле. Я ничего не видел только месяц и шесть дней, а что-то случилось. И один только ты можешь и выжить в создавшихся условиях.

Как краток первый проход на воле, как легки, ну а это и на три — первые две бутылки «Лидии» полторы недели. И я и идти не могу, а могу что-то выделывать такими ногами. Время года, та весна, что следует за идентификациями в пустыне. И чтобы значит и считали ее осенние цикады и ордена «Известий», стрелки в стиле Бернара Бюффе на будильнике и неуловимо напоминающая что-то перепечатка (ко-

аны Рёкана). Черно-корейская месса буддийская — утренний прогноз. Марта 1-ое, как всегда пасмурно. Легче первоапрельского дуновения свежего воздуха в атмосфере чайной, после кризиса простудной болезни. Мартовский человек.

Лежа и руками я пытался воспроизвести благоговейные жесты безличностной благодарности или «радости».

Недавно в прессе появилось сообщение, что исследования одного ученого из Америки показывают, что индейцы майя в своих летописях отмечали фазы планеты Венера так же пристально, как мы положение Луны. Сегодня 1-ое марта, спускаемый аппарат был посажен на Венеру... птица поет немного звонче; случаи, когда воды так много, что всю грязную посуду и сальную решетку в раковине и саму раковину можно равномерно промыть под непрерывной струей, когда чая так много, что день кроме снов состоит из церемоний, благодарящих Веру, которая все для тебя это все-таки сделала... и т.д., когда глаза и не замечают никаких перемен к лучшему, кроме как уточнений в чайной утвари, в сторону упрощения ритуала, когда свободы столько, что буквально места себе не находишь... и т.п. По-видимому, и не хочется расставаться ни с чем этим.

2-го. Алжир требует Францию выдать участников банды, укравшей несколько Ренуаров в Алжире.

Ну, а когда, как не 2-го марта, бывают вторые похороны рыбаков с потонувшего судна. Вера видела.

Я еще из тех периодов, когда художники ходили ватагой. Изо всего Фолкнера «справедливости» и «красных листьев» ради, вырезывал «стрекозу и муравей». Иллюстрированный Jimmu H. В местах не столь отдаленных слышал по радио объявление о лекции

Меньшикова об Алексееве. Как с моим диван-кроватью. (Был заказан порошковый Лотреамон.)

Не только хуже оплывший, чем на булыжниках, лед, но и крошенный, как гранит, воплощенный во льду... Родился я, верно, с головной пронзительной болью. В феноменально короткий, мистический срок нетривиальным образом разрушал вещи с общей точки зрения зрелые, раздавить в руках чашку, etc. Слова отца за едой — вывод, что к сказкам и басням относится большинство, если не все «не даром говорится» в пословицах. Объявляя народнические мифы ересью открыто, он оказывал влияние авторитетом отца и за обедом. Но на кувшинчик молока вечером на утро напомним. Низкое небо издавна началось, как и чернота не этой весны, силы Инь и Ян, антитеза жизненности и иллюзорной темной безжизненности, медленнее всего поворачивающаяся идея. Но и вместе с тем выражающая безначальная очеловеченность копошения пустоты, очеловеченность безлюдья и предрассветный свет, из чего, кажется, и происходит существование еще некоторых форм общения, сумерки, в которых сумело затаяться человеческое существование, кажущаяся противоречивой человечность улицы рядом с абстрактностью номера, понятия величины или антропоморфным и зооморфным. Светает и желтое перестает просто пугать, зеленое — освещать, черное блестеть. 4-ое. Видьте крупнее, точно, воздуха течение приостановилось, началось что-то весеннее. Март сообщил свою золотистость

Есть еще и все остальное.

забыл записать, что, как симфонический оркестр, по телевизору, похож на помойку, а еще там была кирха: никого, все залито солнцем.

эпический трагикомизм, в конечном счете тоталитаризм жизни создают культ сильных чувств. В не-

переносимом давлении страстей на мою натуру разглядывается только то положительное, что полное несогласие мое со школой сильных чувств одно поддерживает эфемерное существование индивидуалистической модели в философском подходе к существованию. Кроме несогласия ничто бы и не напоминало о существовании моего, другого взгляда. Так все-таки легче. Деревенька весенняя, на поворотном круге в этот раз не дала о себе знать, не успела. Что-то там сплавлялось постепенно из дополнительного света, ночью грязно-желтого, днем, к вечеру ничего, на вид даже приятного. Теплом оттуда впервые веяло. Как-то под вечер второго дня, 5-го марта стало видно, как лед изменился в отражения, и перед нами опять абсолютное единство раздвоения. Сопутствующий пар стал как туман повыше домов, вы замечаете, что и здесь мы, как и везде в этом отрывке, чем-то отделены от источника света...

— Господин отец, а господин отец, что если Адалин весь этот был не прав?

Начать с того, что мне этот скромный скрытый рынок не мешал, как и весь район, что-то вроде между свай и деревья на разнovidной части моста, как и их кустарщина. Пусть там не было тропических плодов... Вот хранить подобные воспоминания, как об местах ниже уровня моря, хотя бы только в уме — в этой деятельности уже что-то типическое.

на пути, которым никуда нельзя сходить, т.к. на всем пути ничего открытого нет. им можно только идти, как оттуда (из Волковой деревни) в клуб X-летия Октября. Работающий ночью на излучине гастроном речного участка и трактир в многоэтажной школе и больше нечего вспомнить. Этот одинокий путь, которым когда идешь все в твоей воле. к слову яркое запомнилось вмешательство чужой воли, это клумба,

где вперемешку с садовыми ромашками посеяны васильки обыкновенные. Но и как бы неожиданно, недуманно она ни возникала, это не производило диссонанса. Я описываю, что бы мне хотелось взять для своего города. Я хотел бы взять путь по задворкам, на котором и человека-то не встретишь, надо брать его с собой в дорогу и потом стараться не растерять двуединого восприятия. Охотник поговорить. Но мы еще вернемся (к этому вопросу).

Это было во времена, когда проводилась кампания по борьбе за экономию электричества. «В двух полутемных шагах она обернулась, оглянулась...» Оборот составил образец современной прозы. Но ведь только на место чернокожего себя и принято было ставить. Почему же на окраине чувствуешь себя первооткрывателем, там, где все осмысливаемое дословно, где обширны горизонты и ты один на один с еще более одиноким вторым своим я? Очередь за вином у светящихся забегаловок и магазинчиков. Тоже окраина... может, человеку как за вином туда надо или просто он, может, шел за вином?

Первую весну, с туманами, ту, что для поэтов, когда можно куда-то пойти, если бы не вялость, просыпаю. Думаю, самую скованность перехожу из угла в угол.

Внутренний голос говорит, что, когда само оцепенение качественно изменится, превратится в весеннее, поглядывать будет поздно, если поглядывать — то тут. Так думают многие. У людей прорезались птичьи голоса. Умер Т. Монк, а в Купчине с птицами дело обстоит, как в зоопарке, встречаются птички и очень красивые.

а это так только потому, что там, вообще кумирня «на углу». Что же рассмотришь в чужой тени великого в малом, дающего...

судебная орнаментика восточная

Процветание на снегу черных по-весеннему колючих кустов и людей в темной зимней одежде, заметных на последнем снегу. Брейгель тоже жил над детским садом. А мы тут стоим (на Мало-Московской) защищать вершки православия. Про обед — запретный плод. Заявляется о готовности районов к половодью и настроение должно подняться. Кстати, нашей тропкой, где знакомы все неровности почвы, рытвины и ухабы, на закате бредут и бредут люди. Дети сегодня индифферентны. Проходят минуты, а кажется, что все прошло. Весна. А люди все идут — и полшестого и полседьмого.

Только когда с кондициями 2000-го года будет существовать безвременье зимнего Санкт-Петербургского двора и осуществлять фантазию художника начала шестидесятых годов, полноценно будет осуществляться принцип жизни, заложенный код будет проступать прямо и правильно, как время на электрических часах с выскакивающими цифрами. Тогда этот шифр непосредственно, без перевода будет доходить до сознания и осуществления своего, а когда не одновременно сосуществуют эти факторы, то патологически не доходит смысл жизни.

Как и читать об Кяхте не пив чая не советует не залежалый, как невечерний, как язык — совесть. Момент, когда персонажи молчат, а яблони цветут, вечен. Молча глядят с улицы через палисадник в окно, и им кажется разное одно и то же. Максимум фиксации. Предложение новоиспеченную француженку хлебом накормить, а так в остальном она нормальная. Главное, и я потом много раз убеждался, как продуктивно подвергать данной интуиции жизнь характеров. От их сложности камня на камне не остается. Спрашивается даже не что, не на что ты смотришь и что ты видишь просыпаясь — как часто это бывает, а сколь-

ко раз начиная с полудня ты видишь что-то, как впервые. Например — в час поглядел на весеннюю улицу, ближе к двум так же поглядел на плевок, застывший на домашнем туфле и т.д. И вот выходит, что именно потому, что тебе нечего об этом сказать, и говорит-ся. И опять как не было ничего на другой день.

Освещенные окна — как созвездия, а сами созвездия наблюдаются в открытые форточки — видимое гигантское световое табло. В разные часы и дни говорящее о разном, но о вещах предельно значимых. Это и есть язык цивилизации. Вот и кажется, что тебе многое предстоит узнать. И ничего в ней не понимая, не вижу причин не любить то, что дошло и понял. В самом этом по себе не вижу ничего нового как в проблеме. Солнце встает на небе равномерно. А сверху оно вот такое и есть — не белое и не красное. А так то те племена, что считаются самыми счастливыми, кроме того, что лежат да стоя заботятся о хлебе насущном, просто еще и водят хороводы друг за другом согнувшись — и это вся мудрость. Шесть по семибалльной шкале на юге Хоккайдо. И Калабрия. Ряд огней — каждый огонь новый — смысл ряда (у Козлова).

И у детей бывают дни, когда что-то не клеится, но в массовых играх мы этого и не видим. И так приятно на них смотреть, как писателю писать, когда не пишешь ведь тоже что-то не в порядке. А когда пишешь и не замечаешь, как время проходит. Я понимаю, что то сравнение было предельным, дальше оставалось сказать, что Брейгель и есть такой писатель, который рисует, поняв тщету слов.

Есть красный и черный цвета на белой бумаге и есть белый свет в витраже. Белый цвет и белый свет, каждый мучается сам по себе. Предельное сближение. Учись не делать ничего. Только такой безапелляци-

онный контраст, как красного с черным, вызывает представление от «белого» цвета о белом свете, но с этим каждый сам должен знать, что делать.

Глаза устали от голубизны, с музыкой порывистого ветра, которого нельзя не заметить. Как бы и мы подойдем

По поводу Брейгеля. Поселите на мое место детского писателя, чтобы он мог наблюдать за играми детей. Снег в марте стал такой ноздреватый, грязный и рыхлый, что все дети собрались на замерзшей луже. Они больше всего напоминают сточенные цветные карандашики или надломанные мелки. Что они делают на льду? Нам уже почти ничего не дано, и мы испытываем уважение, считаем, что это самоуважение — не требовать, чтобы мы осмыслили по-особенному то небольшое, что есть. Например, игры детей. Чтобы их осмыслил один человек — этого много. Мне как бы вот с этим приходится дело иметь. Но если подумать, то со многим и другим. Параллель детским играм. Я почему-то выбрал декабрьскую оттепель на городских каналах, но это сближение отдаленного. Давно.

Такой яркий блик на окне, что и стены и ничего кругом не видать. На небе гряды дождевых разорванных туч. Ветер. Постукивает с вечера вчерашнего наш дом всеми балконными приспособлениями. Продувается городская окраина. Люди в весенней одежде держатся кучей, чтобы не унесло, как цветные лоскутья бумаги. Воскресение. Весной не страшно. Холодно понастоящему. Только после этого установились утренники, в хорошее солнечное утро у нас между домами сизый туман, не похоже на любую другую погоду. Начиная идти, люди видят весь свой путь намного дальше. Так бывает при безоблачном небе оттого, что сейчас еще солнце не способно разморить. Веет духом весеннего благородства. Сколько бы не было воды

под снегом и под ногами, как красиво. Как чай хватает за душу. Ранняя весна, утро. От весны до весны — несколько лет. И что всю жизнь будешь не признан — оцени это. Отец наш старался, чтобы мы были счастливыми, а не признанными. Снег в Баку, в Грузии, в Сухуми — он это видел. Подземные толчки в южной Боливии, южной Мексике...

<1982>

Когда понимаешь, что уже и не остается ничего понять, и ложишься опять. Вспыхивают лампочки за твоими окнами, как короче не сказать, и их подмигивание складывается в лаконичную надпись — надо всем звучит политическая новость. Новый город напоминает газетный лист. В старом городе мы знаем об этом больше на слух: упал «Салют-6», землетрясение на Байкале, Индира Ганди совершает поездку в США.

Пахнет чаем, потом яблоками, отдает «пепси-колой». Гвоздики. Мне даже снится, сколько пасты в стержне должно оставаться. Вот как давно прошли и кончились белые ночи, а продолжают кое-как чайные дни, когда нет ничего сложнее в жизни, чем заварить чай, закурить беломор.

В старом городе соседи лукавей выглядывают из окон, хотя то, что им открывается, не содержит и намека на лукавство. Хлеб, до которого мы договариваемся в течение дня и на закате, как цветной кинофильм, разноцветное небо надо всеми этими новостями, зрелище в новом районе. Теперь солнце садится в одиннадцать, прошла половина лета. Вера уехала, оставив нас с матерью в маленькой комнатке, но здесь с новостями обстоит не лучше. Пьешь чай и догадываешься о завтрашней первой новости. Люди разъезжались на лето или еще разъезжаются, и целые дни квартира принадлежит нам временно. Я хожу с утра до ночи по комнате и коридору, захожу на кухню. На

том свете так тихо потому, что всегда только что кто-то умер. Как в шуме городском ни мало нашего, но этой тишины мы не ищем.

Но счастья три раза и не ловят, удовлетворяются неуловимостью его и в первые два.

Вот и не пей крепче «Цейлона», и запомни, что чай растет не на Тибете, а на Кавказе, и тебе это надо бы знать лучше, чем кому-нибудь другому, а так и ходи, как помешанный. Мать ушла постоять в магазинах, а я остался дома. Вот что все время повторяется, вот что мне о себе приходится сказать. И чем раньше она это делает, тем лучше. Сегодня я проснулся от оглушительного, одинокого раската грома, понимая то, что я не в Индии Купчинской, а в старом городе, что это как-то меняет дело. Круглая туча, как бы сошедшая с картины Рейсдала, но вышитой болгарским крестом, стояла за окном над трубой. Оттуда сюда долетали капли дождя.

Прошла обнаженно-гротескная весна, белые ночи, такие холодные в этом году. Теперь уже начало августа. Все еще хожу по дому, почти не выглядываю на улицу. Значит, все есть. Да что мне-то видеть: группы туристов в старом городе да алкоголиков, которые и по двое уже составляют группу? Меня, я надеюсь, не замечает никто.

Под тучей прогноз составлять как-то не принято, и день выглядит бедным новостями. Правильно угадать, значит, правильно вспомнить.

Те минуты, когда забываешь о действии «Беломора». Вот что значит, что я чай выпил, а дело выдумываешь себе сам. Наши чайники я узнаю сразу. Немного жизненного пространства кухни захватываю себе. До сих пор, все это время, нам хватало индийского чая. С начала года не было почти перебоев.

И, конечно, забываешь, что куришь. Под уличным беспокойством я не нахожусь, и мне доступны все домашние беспокойства.

С кем я общаюсь немного? С подобными себе психически ненормальными людьми и радуюсь, когда и они меня не замечают. *Это одно позволяет* по временам поддерживать культурные общения. Жить так, что было или предстоит какое-то интересное дело, одно и придает смысл прямому стоянию на ногах. Но больше их и не может быть.

Варю вторяк. Не выбрасывать же такой хороший чай, тем более что у этого чая вторяк крепче первой заварки. Приходится подыскивать дела самому, да еще не становиться за это известным. В уличной суматохе, каких бы это ни вызывало нареканий, я сразу же отступаю. Пока никого нет, все это принадлежит нам, точнее, мне и я спокойно могу ходить по всей квартире. И курю. Ждать абсолютно нечего, даже при этом утро проходит незаметно. Вчера попал в книжном магазине на запись на Фолкнера. Очередь в два счета вынесла меня на улицу.

Между первым и вторым чаем получил письмо от Веры. На юге холодно.

После чая первую. Жду итогов вчерашнего дня. Значит, созревают плоды сегодняшнего надеяния. Кончилась лошадиная жизнь. Ведь лошадь, всю жизнь здесь ходя, никогда не слыхала последних известий. Года два уже не видать эту лошадь. Завтра меня здесь не будет. Напоследок дом напротив, загораживающий весь вид на улицу, показался не таким уж большим. Из кухни у нас видно телевизионную башню.

Политграмоте учусь у вывесок. Задернуть занавеску, выбросить косточку от абрикоса, ходить из угла в угол, все это лучше делать у себя в комнате. Радио и газета ни о чем мне не напомнили. За несколько дней вот заметка, которая не оставила меня равнодушным.

«АРХЕОЛОГИЯ. Находка в горах.

В горном районе северо-западной окраины штата Джамму и Кашмир на высоте 3.600 метров группа